

Мейшо АБДУЛЛАЕВ

Дорогой мой соотечественник!.. Дорогой мой соратник!..

Как бы трудно ни было, мы должны признать, что потеряли на войне не только земли, но и многие моральные ценности. Сколько наших женщин и девушек, сестер и матерей подвергаются пыткам в плену? Их стоны зовут сынов Родины к отмщению. Впереди нас ждет тяжелый, но славный бой!..

И только эта битва сможет стереть с нас клеймо позора, очистить нашу запятнанную совесть. Убивая в бою, мы вернем свою честь, а погибам, спасем себя от позора и порицаний будущего поколения!..

...Чтобы встретиться с этой женщиной, побывавшей три года в плену, мне пришлось ждать целый год. О Саиде, которая жила в старом ветхом доме в селе Надежда Ставропольского края, мне рассказал один из моих боевых товарищей, скончавшийся в больнице через месяц после освобождения из плена. С тех пор, несмотря на мое жгучее желание и попытки встретиться с ней, женщина никак не соглашалась на встречу со мной. Тем не менее я не терял надежды и был уверен, что наступит день, когда долгожданная встреча все-таки состоится. Я прекрасно понимал чувства Саиды, прожившей три года в плену, и осознавал, как тяжело ей будет вспоминать то страшное время. Но желание узнать подробности не давало мне покоя. К сожалению, ни мои неоднократные поездки в Россию, ни мое упорное желание встретиться не давали нужного результата. Однако я не переставал упорно, и когда наконец добился ее согласия, всю ночь не сомкнул глаз, моллю Аллаху, чтобы эта встреча вдруг не сорвалась. Никогда прежде я так не волновался.

По дороге к дому Саиды ханум, стоявшему на окраине деревни, я попал под моросивший осенний дождь, который еще больше усилил мою грусть и тревогу. Я почувствовал себя маленьким обиженным мальчиком, продрогшим от холода. Спрятанная в карманах плаща и втиснутая шею в пошитый воротник, я словно пытался прижаться к самому себе, чтобы хоть немного согреться... Стоило только завернуть за угол, и я был бы у цели.

Заранее обдумав предстоящую встречу, по дороге я повторял про себя вопросы, которые хотел задать, и чувствовал себя актером, который готовит

ся к выходу на сцену. Я точно знал, что самое главное начать, а там все сложится само собой. Как говорится, лиха беда начало.

А вот и дом Саиды ханум - женщины, о которой я не переставая думал все последнее время. Но меня интересовал вовсе не дом, а та, которая живет в нем. Хотя должен признаться, что задолго до встречи с хозяйкой я задавал свои вопросы именно его стенам, ходил кругами вокруг дома, делился с ним своей грустью и тоской. Поэтому он казался мне родным - ведь я так часто беседовал с немymi камнями, не в силах выпустить ни одного слова у его хозяйки.

Подойдя к двери дома, я тихонько постучался. Через некоторое время послышались медленные шаги, звук когтей прекратился прямо у двери. Какое-то время стояла тишина, но я чувствовал, что кто-то смотрит на меня в глазок. Я выпрыгивал и тут же услышал протяжный женский голос:

- Кто там?

Испугавшись, что она может передумать, если я буду медлить с ответом, и тогда я ее больше никогда не увижу, я тут же выпалил:

ПЛЕННИЦА...

(Печатается в сокращенном)

Основано на реальных событиях

- Это я - человек, который хотел с вами встретиться. Если помните, мы с вами вчера договаривались о встрече.

Мертвая тишина, наступившая после этого краткого объяснения, длилась так долго, что я начал волноваться. Прошло еще несколько минут.

Наконец тишину нарушил скрип, по всей вероятности, давно не открывавшейся, заржавевшей двери. Я вздрогнул. На пороге полуоткрытой двери стояла худощавая женщина среднего роста, лет тридцати пяти-сорока. Бледное лицо и испуганный взгляд этой равно поседевшей женщины заставили меня насторожиться. Я подумал о том, что любой необдуманный шаг и любое неверно сказанное слово закроют передо мной эту дверь навсегда. С трудом взяв себя в руки, я поздоровался:

- Здравствуйте, Саида ханум. Рад вас видеть!

Я был в полном замешательстве, так как не знал, как завоевать доверие этой женщины. Одно я знал точно - если она сейчас захлопнет дверь и уйдет, то я ее больше никогда не увижу. Ведь я добивался этой встречи целый год.

Женщина отвела от меня взгляд, опустила голову и хриплым голосом сказала:

- Входите!

Войдя в комнату, я почувствовал резкий запах. Казалось, что окна и двери этой квартиры не открывались годами. В комнате стоял тяжелый спертый воздух.

Я острелся. Это была маленькая однокомнатная квартира. Пожелтевшим от времени, обшарпанным обоим нетрудно было догадаться, что ремонта здесь не было очень давно. Глубокие трещины на стенах и свисающая по углам паутина безмолвно говорили о том, что жизнь в этой комнате давно остановилась. Все предметы в этом забытом богом уголке наводили тоску и вызвали ненависть. Только ковер, висевший на стене, немного оживлял комнату. Может быть, именно он убедил меня в том, что это жилая комната. Ковер был настолько красивым, что я даже задался вопросом - каким образом он попал сюда?

Стул, предложенный мне, был в нескольких местах обжиган проволокой. Стол покрыт старой потертой тканью. Палас на полу был настолько ветхим, что скручивался под ногами, мешая передвигаться. Прогнивший пол, не выдерживая тяжести, скрипел под ногами и действовал на нервы. Увидев лежащего в углу комнаты, укрытого старой курткой пса, я остановился как вкопанный. Это был огромный старый пес. Только сейчас я понял, откуда исходит неприятный запах, который я по-

ми страшными - это не каждому по плечу. Но, наверное, пережитое ею было гораздо тяжелее того, что можно представить. Все наши представления о жизни весьма оторочены и очень часто не отражают действительности.

Я еще раз окинул комнату взглядом. Мое внимание вновь привлекла собака, дремавшая в углу. И мне захотелось начать разговор именно с этого и спросить, что делает здесь этот пес? Но я тут же передумал, так как это могло обидеть хозяйку.

Поэтому я начал разговор с банальных слов:

- Как поживаете, Саида ханум?

Мой голос словно разбудил ее ото сна - она вздрогнула, медленно подняла голову и тихо, но очень сердито ответила:

- Если хотите, чтобы наш разговор состоялся, не называйте меня "ханум".

Немного помолчав, она посмотрела мне прямо в глаза.

- Я все потеряла в плену у врага. Я теперь не ханум и даже не мать. Называй меня по имени. Так лучше.

Я не ожидал такого поворота и немного растерялся. Но в то же время эти слова словно разбудили мою память. Вопросы, застрявшие в ее недрах, стали принимать отчетливые очертания. Я вспомнил, как много раз приходил на встречу со списком заготовленных заранее вопросов. И каждый раз, после очередной несостоявшейся встречи я рвал этот список и составлял новый. Таким образом появлялись все и новые вопросы, которые я опять рвал и выбрасывал. Поэтому у меня накопилось очень много вопросов, жующих ответа. Но вот уже несколько минут я как школьник, не выучивший урок, сидел перед ней и не мог найти тот самый первый вопрос, который послужил бы началом нашей беседы.

Своим резким замечанием Саида сама направила разговор в нужное русло, и я, заикаясь, промямлил:

- Конечно, конечно. Как вам угодно...

Она снова замолчала. Потом, сосредоточив взгляд на моем лице, сказала:

- Обещайте, что никто не узнает о нашем разговоре. Ведь я уже два года живу здесь, но даже мои соседи толком не знают, кто я и откуда приехала. Они считают меня душевнобольной. Я ни с кем не общаюсь. Но каждое утро соседи кладут перед моей дверью продукты для меня и моей собаки. Одежду мне тоже дали они. Я скрываю от всех, что была в плену. У меня нет прописки в этой деревне и поэтому я не получаю никакого пособия. Хочу, чтобы все осталось тайной. Все эти годы я даже не искала выживших родственников. Наверняка они считают меня мертвой. Пусть так и останется. Это лучше для меня. Теперь вы меня понимаете? Обещаете, что все, о чем мы будем говорить, останется между нами?

Я был готов на все и согласился бы на любое условие.

- Конечно. Все будет, как вы скажете. Иначе и быть не может. Будьте абсолютно уверены - вам не о чем беспокоиться. Но у меня тоже есть просьба - расскажите мне все без утайки, как на исповеди. Если можете, отне-

чувствовал, войдя в комнату. Лениво подняв морду, собака залаяла, и я понял, что она живая. Вид смешанных с мокротой слюной, стекающих из пасти, вызывал тошноту. Я еле сдержался, чтобы не вырвать. Странно было видеть этого огромного пса, по всей вероятности, из породы собак-пастухов, предназначенных стеречь стадо, в жилой комнате. С виду она никак не походила на домашнюю - уж больно была грубой и некрасивой. "Если это сторожевая собака, то почему она не во дворе?" Я не мог понять, что хозяйка дома, пережившая все муки ада в плену, держит у себя дома это животное просто для того, чтобы не чувствовать себя столь одинокой. Мысли о собаке мешали сосредоточиться на главной цели моего визита. Я был уверен, что между этой собакой и женщиной есть какая-то незримая связь, и решил при первом удобном случае спросить ее об этом.

Женщина молча присела на табуретку и опустила голову. Я не знал, с чего начать разговор, хотя целый год мысленно повторял вопросы, которые хотел ей задать.

Конечно, прежде всего меня интересовало, что пережила эта несчастная женщина за три года в плену. В принципе, я знал, какие мучения были утопаны нашим пленником. Она бы наверняка удивилась, если бы и сейчас это все ей рассказали... Прожить три года в плену один на один с невыносимы-

ситесь ко мне как к родному человеку. Я все понимаю. Знаю, как тяжело наши воспоминания. Постарайтесь взять себя в руки.

В комнате снова воцарилась тишина. Женщина никак не решалась заговорить. Быть может, она думала о том, с чего начать и как закончить разговор. Было видно, что она очень волнуется. Собака, лежащая у ноги, широко раскрыла пасть, высунула язык, широко зевнула и, повернув морду к хозяйке, залаяла.

Женщина встала с табуретки, прошла в отдаленный занавесом угол комнаты и через некоторое время вернулась с едой для собаки. Присел на колени, положила перед ней миску. Сначала пес коснулся мордой колени хозяйки, а затем прилежно жадно ел. Саидка жалостливо смотрела на собаку и нежно гладила ее мохнатую голову.

Заметив, что я внимательно смотрю на них, она с неожиданной нежностью произнесла:

- Это мой сын! Руслан!

Затем, схватив собаку за морду, стала ласково тереть ее:

- Он выглядит старше своей матери, правда?

В этот момент я вспомнил, что сказала женщина в начале разговора - "мои соседи считают меня душевнобольной".

"А может, так оно и есть?" - подумал я.

Быстро управившись с едой, собака принялась лизать свой нос. А женщина, словно забыв о моем присутствии, продолжала играть с собакой. В эту минуту она казалась такой счастливой... В этой веселой, еще не старой женщине трудно было узнать мрачную старуху, которой она показалась мне вначале. Собака же, радуясь общению с хозяйкой, перекатывалась с боку на бок, облизывая ее руки.

- Сыну пять лет. Постарел очень, - сказала она, нежно улыбаясь. Но почему-то от этой улыбки лицо ее стало еще более грустным. Казалось, она никогда в жизни не улыбалась. Затем Саидка опять села на табуретку и, скрестив руки на груди, уставилась невидящим взором в одну точку. Я молча ждал продолжения разговора. Но она не торопилась - ей необходимо было сосредоточиться. Несколько минут прошло в молчании. Наконец она заговорила:

- Это было вечером, в 10 часов. Али, запыхавшись, забежал домой и коротко бросил: "Собирайся быстрее! Враги захватили город!"

Сказав это, он взял нашего трехмесячного сына на руки. Конечно, новизна была ужасной, но я не очень испугалась, потому что за два года мы привыкли к взрывам мин и звуку снарядов. Все, что мог держать в руках оружие, сражалось в окопах лицом к лицу с врагом. И только в последний месяц нациды распространялись слухи о том, что город будет взят противником. Поэтому слова мужа были восприняты мной с относительным спокойствием, как нечто ожидаемое. Я начала быстро собираться, а муж продолжал торопить меня:

"Торопись! Ничего не бери! Пойдем пешком!"

Мы взяли только небольшой сверток с детской одеждой и вышли из дома. Бой шли в южном направлении города. Грохот взрывающихся мин, прорывая темноту ночи, навел ужас. Вокруг все пылало в огне. Люди стеклись к шоссе в западной части города, откуда предполагали выйти на неоккупированные территории.

Муж взял меня за руку и потянул в обратном направлении, сказав: "Сейчас там начнут бомбить".

И в самом деле, вскоре асфальтированную дорогу начали обстреливать артиллерией. Люди разбежались в разные стороны. Страх мелкой дрожью распространялся по каждой клеточке тела.

Весна только-только вступала в свои права, и было все еще очень холодно. Вспоминаю, я не успела надеть теплую одежду и теперь дрожала не только от страха, но и от холода.

Брошенные на город бомбы разрушили электрические столбы, поэтому электричества в городе не было. Но свет звезд, сияющих в ту зловещую ночь особенно ярко, и блики разры-

той из числа добровольцев. Незадолго до этого ему присвоили звание майора. Али был хорошим стрелком, разбирался во всех видах оружия. Армяне даже обещали за его голову большое вознаграждение.

Хоть он и держался спокойно, я понимала, что он волнуется за нас с сыном. Русланчик заснул у меня на руках. Я устроила его поудобнее, чтобы он не проснулся. Вообще-то он был очень спокойным ребенком. Мог спать часами, как и полагается трехмесячному малышу.

Смогло бы такое звездное, что я не смогла разглядеть бронетранспортер, стоявший у меня, и двух вооруженных солдат. Когда я сказала об этом Али, он приложил палец к губам и велел молчать. Я прижалась головой к его спине, закрыл от ужаса глаза. Муж старался казаться спокойным и хладнокровным. Он тихо прошептал мне на ухо: "Ты видишь? Их трое. Один в бронетранспортере".

Я посмотрела на бронетранспортер и увидела, как солдат стал беспорядоч-

тому, как у меня три раза качнулась голова. После выстрелов Али на той стороне наступила тишина. Я продолжала стоять с закрытыми глазами, крепко прижимая ребенка к себе. Муж обнял меня и сказал: "Видишь, Саидка, я же обещал, что покажу им, где раки зимуют. Смотри, я уложил всех троих".

Открыл глаза и посмотрел на мост, я действительно не увидела никого ни рядом с машиной, ни на ней. Я заплакала от радости.

- Али! Ты правда убил их?
- Конечно, - сказал он, обнимая меня вместе с сыном.

Потом вдруг встревожился:
- Саидка, ребенка не слышно. Не задохнулся ли он?

Я вздрогнула, вспомнив, что на лице малыша до сих пор мой платок. Как только я убрала его, Руслан проснулся и громко закричал, а потом снова замолчал. При лунном свете его глаза блестели, как у появившегося в капканчике мышка.

- Я чуть было не убила тебя, милый, - прошептала я, целуя его. Малыш сладко потягивался, потирая глазки пухлыми ручками.

Я ждала дальнейших указаний мужа. Если бы в этот момент он приказал мне взять оружие и пристрелить себя и ребенка, я, не задумываясь, сделала бы это. Али же молчал, прислушиваясь к доносящимся издали выстрелам.

Затем он взял у меня ребенка, и мы пошли к мосту. Проходя мимо бронетранспортера, я увидела двух мертвых солдат, лежавших перед машиной, и одного - возле пулемета. Али взял их автоматы, и мы пошли дальше.

Наступила полночь. Я падала с ног от усталости и буквально засыпала на ходу. Хорошо еще, что Русланчик не плакал, только ждал от холода.

Мы шли не останавливаясь и постепенно отдалялись от моста. Чем выше мы поднимались, тем лучше был виден город, пылающий в огне. От этой картины сердце обливалось кровью - ведь наши дома, имущество, все, что мы зарабатывали честным трудом долгими годами, в одночасье превратилось в пепел.

Али хорошо знал дорогу, поэтому я даже не спрашивала, куда мы идем и только молвила Аллаху, чтобы остаться в живых. Холод пронизывал до костей. Уже рассвело, в воздухе чувствовалась сырость. Трава была покрыта утренней росой. Как ноздрю у меня повалились туфли и ступни промокли. Ноги гудели от усталости, но было никаких сил двигаться дальше. Я буквально повисла на плече мужа. Но он тоже выбился из сил и тяжело дышал. Еще бы - ведь в одной руке он нес нашего малыша, а в другой - три автомата! И я еще была ему обузой. Но Али старался не показывать вида и подбадривал меня: "Потерпи еще немного, вот дойдем до безопасного места, а потом отдохнем".

Мне же хотелось только одного - отдохнуть. И внезапно же я готова была лечь на грязную сырую землю. Словно Али, конечно, успокаивал и придавал сил, но я уже валялась с ног.

вающихся снарядов ярко озарили окрестность.

Али шагнул вперед, держа в одной руке нашего сына, а в другой - автомат. Он шел так быстро, что мне приходилось бежать за ним. Время от времени Али оборачивался ко мне, пытаясь подбодрить: "Не бойся! Здесь спокойно. Если пройдем мост у въезда в город, то мы спасены. Быстрый же туда доберемся".

Русланчик плакал не переставая. Я взяла ребенка у мужа и прижала к груди. Он немного успокоился. В это время раздались крики у шоссе - там, где скопился народ. По всей вероятности, эти люди попали в окружение. Грохот разрывающихся снарядов сменялся автоматной очередью, к которой примешивались крики женщин и плач детей.

Мы приближались к мосту. Вдруг Али пригнулся к земле и дал мне знак сделать то же самое. Я прижала ребенка к груди и пригнулась, не видя, что происходит впереди. Он повернулся и прошептал мне на ухо: "Видишь, там у моста стоит военная машина. Постарайся, чтобы ребенок не заплакал. Не бойся! Все будет хорошо". Затем, чтобы успокоить меня, добавил: "Сейчас я им покажу, где раки зимуют!"

Али был офицером. 10 лет прослужил в советской армии в звании капитана. Когда началась война, вернулся на Родину и организовал партизанский

отряд из числа добровольцев. Незадолго до этого ему присвоили звание майора. Али был хорошим стрелком, разбирался во всех видах оружия. Армяне даже обещали за его голову большое вознаграждение.

Хоть он и держался спокойно, я понимала, что он волнуется за нас с сыном. Русланчик заснул у меня на руках. Я устроила его поудобнее, чтобы он не проснулся. Вообще-то он был очень спокойным ребенком. Мог спать часами, как и полагается трехмесячному малышу.

Смогло бы такое звездное, что я не смогла разглядеть бронетранспортер, стоявший у меня, и двух вооруженных солдат. Когда я сказала об этом Али, он приложил палец к губам и велел молчать. Я прижалась головой к его спине, закрыл от ужаса глаза. Муж старался казаться спокойным и хладнокровным. Он тихо прошептал мне на ухо: "Ты видишь? Их трое. Один в бронетранспортере".

Я посмотрела на бронетранспортер и увидела, как солдат стал беспорядоч-

ПЛЕННИЦА...

→ 13

Впереди виднелись виноградные плантации. Стоящие в ряд бетонные столбы напоминали шеренгу солдат. Там же стояла небольшая изба - по всей вероятности, домик сторожа, охраняющего сад. Мы подошли к нему и осторожно вошли внутрь. Здесь было тепло и сухо. Войдя в теплую избу, я легла на солому и тут же провалилась в глубокий сон, словно кто-то ударил меня камнем по голове. Не знаю, сколько я проспала. Если бы плач ребенка не разбудил меня, то я еще долго спала бы. Открыв глаза, некоторое время не могла понять, где я, и оглядывалась по сторонам, как ненормальная. Мне казалось, что все произошедшее просто кошмарный сон. Очнувшись, когда увидела в углу избы мужа, спящего с автоматом в руках, и ребенка, плачущего около меня. Только тогда я все вспомнила. Проснувшись и оказавшись лицом к лицу с необратимым горем - представьте, каково это?

Только одно меня утешало - я радовалась, что муж и ребенок живы, и они рядом со мной. Это было единственное, что вселяло в меня надежду.

Стало светать. Я взяла плачущего малыша на руки и прижала к груди, чтобы немного успокоить. Когда я его распеленала, в нос ударил запах мочи. Ребенок был весь мокрый - ведь сменить пеленку вчера не было возможности. В свертке, который я успела взять из дома, было все необходимое. Я сменила пеленку и начала кормить малютку. Он сильно проголодался и сосал грудь как волчонок. Наевшись, Русланчик сразу заснул, я уложила его рядом с собой и укрыла. Ноги гудели, и все тело у меня ныло, как при простуде. Мне нечем было укрыться. Я свернувшись калачиком, пытаясь согреться. Мрачные мысли одолевали меня - что делать, куда идти? Что с нами будет? Безответные вопросы так затуманили мне голову, что я почти ничего не соображала.

Горечь потерь угнетала меня. Вы и представить себе не можете, как тяжело в одночасье лишиться всего. Я тосковала по дому, по всему, что оставила, по каждой мелочи. К сожалению, чаще всего человек ценит то, что имеет, уже после того, как потеряет. Возможно, я бы еще долго рассуждала на эту тему, если бы не увидела солдат, идущих по дороге. Их было хорошо видно, но я затруднялась определить - то ли это бы-

ли наши солдаты, то ли враги. Я разбудила мужа: "Али! Посмотри! Там солдаты!"

Он вскочил и прильнул к окну. Мы слышали голоса солдат, но не могли определить, на каком языке они говорят. Али молча вглядывался в них, потом тихо сказал: "Это враги". И добавил, чтобы подбодрить меня: "Не бойся! Я рядом".

Может быть, вначале я и не боялась, но после слов мужа мне стало страшно. А как же иначе? Ведь именно страх заставил нас бежать в никуда. Если бы мы не боялись, то остались бы дома. Одно только давало надежду - со мной рядом мой муж. Он - военный и у него есть оружие. Чтобы побороть страх, я просто должна довериться ему. Лицо Али было совершенно спокойным. "Интересно, все ли военные бывают такими хладнокровными?" - подумала я. Я мечтала, чтобы этот кошмар наконец закончился без жертв. Конечно, Али был мужественным человеком, настоящим военным, но с ним были мы с сыном, и это усугубляло ситуацию. Быть может, если бы он был один, ему было бы легче принять решение.

Али следил за врагами, ни на секунду не сводя с них глаз. Именно в это время произошло то, чего мы никак не ожидали. Один из солдат передал свой автомат другому и побежал к нашему домику, расстегивая на ходу ремень. Было ясно, что он решил воспользоваться избой как туалетом.

"Сволочь! Надо же было, чтобы ему именно сейчас приспичило!" - пробормотал Али. А солдат продолжал бежать в нашем направлении.

Расстояние между нами сокращалось. Муж тихонько положил руку мне на плечо и сказал: "Санда, возьми ребенка и пройди назад. Пусть этот подонкок зайдет в избу - здесь ему конец". Он говорил так спокойно, что, казалось, речь идет не о солдате, а скорее - о кошке или собаке.

Я с тревогой подумала: "Ну и что с того, что у этого подонка нет оружия? Оно есть у других - тех, кто ждет его на дороге. Разве Али не видит?" Конечно, я не знала, что будет дальше, но понимала, что в любом случае нас не ждет ничего хорошего.

(Продолжение следует)

Перевод Теране МЕММЕД